

Красный закат разлился по западному небу. Наньгун Юйлян возвращался домой навстречу заходящему солнцу, а князь Цзинь шёл рядом, сохраняя бесстрастное выражение лица. Вернувшись в хижину и поужинав, они увидели, что закат уже потускнел до серого цвета, и скоро должна была наступить ночь.

Князь Цзинь снова сидел на том же месте, глядя вперёд и, казалось, погружённый в свои мысли. Наньгун Юйлян, поколебавшись, сел рядом. Ветер дул с горы, шумя у них в ушах.

— Шитоу болен, и его уже не вылечить. Слишком поздно, — произнёс Наньгун Юйлян, не глядя на князя.

— Угу.

— Муж тётушки Ван умер в марте, погиб в схватке с местными служащими за зерно.

— Угу.

— Многих людей довели до отчаяния местные чиновники. У них не было еды, и в их семьях тоже были погибшие.

— Угу.

Он говорил, а князь отвечал, но на этот раз Наньгун Юйлян не почувствовал, что князь бессердечен. Он вспомнил, как князь каждый день стоял, прислонившись к стене, не проявляя ни высокомерия, ни холодности, а скорее с осторожностью и даже... с жалким видом.

— Местные чиновники плохо справляются со своими обязанностями. Они не знают, что князь всё это время оказывал помощь Дунъяну.

— Хм... Ты пытаешься меня утешить? — вдруг усмехнулся Цинь Юй. Неужели жрец так быстро изменил о нём мнение?

Наньгун Юйлян слегка покачал головой.

— Я просто говорю факты.

— Если правитель не добродетелен, народ страдает, — вдруг серьёзно произнёс князь Цзинь, глядя на него. — Это тоже факт.

Наньгун Юйлян уже хотел возразить, но в тот же момент понял, что это бессмысленно. Это были законы ритуала, правила, которые нельзя было нарушать, поэтому его слова утешения действительно казались смешными.

— Почему князь не издаст указ, чтобы наказать местных чиновников? Тогда все поймут и не будут винить князя.

Из-за новой политики, из-за нехватки времени, из-за аристократических семей, из-за того, что многие вещи не так просты...

— Потому что... правитель не добродетелен! — снова усмехнулся Цинь Юй.

«Правитель не добродетелен!» — Наньгун Юйлян мысленно повторил эти слова, ощущая их горечь. Независимо от причин, судя по тому, что он видел за эти дни, общаясь с тётушкой Ван, народ Дунъяна был полон гнева, и даже указ, вероятно, только заставил бы их считать князя

Цзинь ещё более лицемерным.

— Что Вы планируете делать?

— Планирую просить тебя о помощи, — с улыбкой пошутил Цинь Юй. — Но ты ведь не согласишься.

— Теперь я понимаю. Вы хотите использовать авторитет Дворца Небесного Бога в Дунъяне, чтобы вернуть доверие народа, а затем законно устранить повстанцев, — с внезапным прозрением сказал Наньгун Юйлян. Теперь стало ясно, почему князь Цзинь не отступал, несмотря ни на что.

— Жрец, ты действительно умен, — встал Цинь Юй, глядя на потемневшее небо, где в ночи виднелось несколько костров. — В конце концов, чем меньше людей погибнет, тем лучше, — тихо пробормотал он.

— Князь действительно так думает?

Цинь Юй приподнял бровь, с недоумением глядя на жреца, и, разведя руками, сказал:

— Жрец, неужели я выгляжу как человек, жаждущий крови?

— Просто... — Наньгун Юйлян немного поколебался, но всё же честно сказал:

— Мне кажется, Вы не заботитесь о людях, а только об интересах царства Цзинь.

— Жрец, — ещё более раздражённо произнёс Цинь Юй, — народ Дунъяна — это подданные царства Цзинь, а я — князь Цзинь. Забота об интересах царства и причинение вреда народу... не связаны между собой.

...

Лицо Наньгун Юйляна покраснело.

— Жрец, — с усмешкой сказал Цинь Юй, — неужели в твоих глазах я — глупый правитель, который ищет себе гибель?

Наньгун Юйлян застыл в смущении. Цинь Юй, посмотрев на него некоторое время, с разочарованием ушёл. Однако маленький жрец снова заговорил ему вслед.

— Но не все это понимают. Если Вы продолжите так действовать, люди рано или поздно подумают, что...

— Что? — Наньгун Юйлян сжал губы, не говоря ни слова.

Цинь Юй, подумав, пообещал:

— После сегодняшней ночи я забуду всё, что было сказано.

— С тех пор как Вы стали князем, Ваши поступки часто были несправедливы, и Вы совершили много убийств. Простите мою дерзость, — раз уж начал, Наньгун Юйлян решил высказать всё.

— На мой взгляд, Вы холодны и равнодушны, легко принимаете решения, поэтому пренебрегаете жизнями, осторожны и подозрительны, поэтому Ваши подданные боятся Вас.

Если так будет продолжаться, Ваши действия станут ещё более жестокими, и в конце концов все начнут считать... князя Цзинь тираном.

Эх... Зачем я сам навлекаю на себя неприятности!

Князь Цзинь покачал головой, чувствуя, как в груди сжимается ком, и ему стало трудно дышать.

— На самом деле, Вы очень подходите на роль правителя, спокойны и сдержаны, но Вам не хватает...

— Хватит, — прервал его Цинь Юй, покачав головой. — Я сожалею, что это услышал. Жрец, больше не говори.

Тон князя был спокоен, без гнева, и Наньгун Юйлян снова почувствовал сожаление, что в порыве эмоций был слишком откровенен, ведь он и князь Цзинь не были друзьями.

Князь ушёл, его фигура постепенно растворилась в темноте, оставив после себя лишь звук шагов. Вдруг звуки исчезли — князь остановился. Наньгун Юйлян, придя в себя, посмотрел в темноту перед собой.

— На самом деле, я чувствую, что не подхожу на эту роль, но я делаю это хорошо, как и положено князю.

В голосе князя не было привычной зрелости и достоинства, он скорее звучал как неопытный юноша, немного растерянный. Но Наньгун Юйлян не понял смысла этих слов.

Пэнчэн.

Сюй Си в последние дни был в хорошем настроении. Восстание в Дунъяне усиливалось, и хотя князь Цзинь лично отправился туда, ситуация действительно была такой, как говорил Чжао-ван: народный гнев невозможно успокоить.

Эту ситуацию нельзя оставлять в таком состоянии надолго. Даже князь Цзинь не сможет так продолжать, Далян никогда не согласится с этим. Чтобы успокоить Дунъян и обеспечить стабильность для его жителей, единственным решением будет казнь Нянь Цзыпина и наказание чиновников, ответственных за новую политику.

Конечно, князь Цзинь может подавить восстание силой, но тогда Дунъян останется нестабильным, а Чжао-ван будет наблюдать за ситуацией. Вероятно, князь Цзинь не сможет больше заниматься новой политикой и будет вынужден объединиться с аристократическими семьями, чтобы противостоять Чжао-вану и Его Величеству.

Бум! Что-то упало на пол.

Сюй Си обошёл комнату и вдруг заметил, что в столбе комнаты застряло письмо, доставленное с помощью метательного снаряда. Увидев красную кисточку на конце снаряда, он замер, и холодный пот выступил на его спине.

Кто это был? Если бы они хотели его убить...

Сюй Си не стал продолжать размышлять, поспешно вытащил письмо и быстро прочитал его, но после этого его пот стал ещё холоднее.

За окном тени деревьев остались прежними, но резиденция клана Сюй была не тем местом, куда можно было проникнуть незаметно. Этот человек смог оставить письмо и исчезнуть бесшумно. Судя по его навыкам, возможно, то, что написано в письме, действительно правда.

— Князь Цзинь...

Сюй Си вздрогнул, не осмелившись произнести эти непочтительные слова. Да, он ненавидел новую политику, презирал Чжао Чжипина, Шэнь Сюэвэня и других представителей новой школы, и даже был недоволен князем Цзинь, но он не хотел бунтовать.

— Но теперь... — Сюй Си сглотнул, читая каждое слово в письме.

Если это правда, то клан Сюй станет мишенью для всех, поэтому... поэтому нужно найти другого покровителя.

На улице прозвучал барабан, и Сюй Си постепенно успокоился, быстро написав два письма: одно отправил в земли Чжао, а другое — в Дунъян.

Столица.

Бэй Чжэнцин получил письмо от Сюй Си, и это его не удивило. С тех пор как Ван Мэн захватил Сун И на Северной границе, он почувствовал что-то неладное.

Большая часть повстанцев в Дунъяне была подстрекаема Сюй Си, но небольшая часть была организована царством Чжао. Бэй Чжэнцин приказал повстанцам двигаться к Кайяну, но не ожидал, что Чжао Чжипин отступит, хотя в этом уже не было особой необходимости, но он всё же занял позицию на юго-востоке Кайяна.

Это небольшое отклонение и действия армии Северной границы заставили Бэй Чжэнцина понять, что в царстве Цзинь что-то не так, и проблема, скорее всего, заключалась в самом князе Цзинь. Теперь письмо Сюй Си подтвердило его подозрения.

— Ну что? — Чжао-ван, наблюдая за его молчанием, не выдержал и спросил:

— Что будем делать?

— Ваше Величество, если мои догадки верны, — сложил письмо, и в его глазах мелькнул холодный блеск, — мы можем помочь князю Цзинь отправиться в последний путь.

Чжао-ван слегка удивился, но затем понял:

— Пусть Сюй Си прикажет повстанцам атаковать Кайян.

— Ваше Величество, Вы мудры. В хаосе войны князь Цзинь не был богом.

После смерти князя Цзинь армия Цзинь, сражавшаяся с повстанцами, распадётся, и нестабильный округ Дунъян не сможет противостоять нападению царства Чжао. Округ Янь и округ Цзиньян станут добычей Чжао.

В неизвестной деревне Цинь Юй не знал о происходящих событиях и всё ещё находился там, каждый день ходил с жрецом лечить людей и слушал, как народ осуждает князя Цзинь.

Как и с «Ваше Величество, Вы мудры», если слышать это слишком часто, начинаешь верить в это. Даже Цинь Юй иногда, слушая их описания, начинал презирать и ненавидеть себя.

В лагере.

<http://bllate.org/book/16170/1450832>